

**В. М. БОГУСЛАВСКИЙ — “ПУТЕЕЦ ЯЗЫКА”,
ТРАДИЦИОНАЛИСТ-НОВАТОР
ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА**

Коваль О.В., ст.преподаватель

Харьковская государственная академия дизайна и искусств

Аннотация. В статье предпринята попытка представить научную деятельность В.М.Богуславского на широком фоне современных лингвоэстетических, культурологических и семихудожественных идей.

Ключевые слова: оценка внешности человека, образность, лингвокультурология, теория и семиотика искусства

Анотація. Коваль О.В. В.М.Богуславський — “путеец языка”, традиціоналіст-новатор теорії культури та мистецтва. В статті здійснено спробу проаналізувати та визначити головні наукові ідеї В.М.Богуславського на широкому тлі сучасних проблем гуманітарної науки

Ключові слова: оцінка зовнішності людини, образотворення, лінгвокультурологія, теорія та семіотика мистецтва

Annotation. Koval O.V. V.M. Boguslavskiy — “the language guide”, the traditionalist-innovator of the cultural and art theory. In the article has been written to review Boguslavsky advanced concepts in this area of humanities hurriedly.

Key words: Estimations of appearance of the person, figurativeness, linguoculturology, theory and semiology of art.

Мы хотим показать, что наш выбор не только не является случайным, но что сегодня только такой человек и ученый, как Всеволод Михайлович Богуславский, мог осуществить в кругу единомышленников, или, как приватно сформулировал Ю.С.Степанов, — в Харьковской “школе семиотики, авангарда и дружелюбных людей”, — постановку радикально

новых и принципиально свежих идей, ценность которых еще будет по достоинству оценена. Здесь важно еще одно замечание: В.М.Богуславский — это *наш* научный опыт, еще хранящий тепло живого человеческого творчества, и наш долг — знать и хранить его, этот опыт мысли, свободной и живой, говорящей о том, что без должного лингвокультурологического основания невозможна ни историческая поэтика, ни теория искусства, ни практика его синхронного историко-стилевого осмысления, ни “одевание в текст” собственно эстетико-искусствоведческих наблюдений; это опыт, который приобретался самостоятельно, без оглядки на прихотливый веер научных мод и силу чьих-либо субъективных вкусов. Но это и — долг памяти по отношению к человеку, которого близко знал и кого любил в течение долгих лет и с уходом которого нельзя примириться. И вот это последнее, возможно, и есть самое главное: знать и помнить свои начала.

I

“Первая обязанность жизни состоит в том, чтобы устанавливать островки порядка и системы в нашем мире”. Этим образным высказыванием Норберта Винера начинает В.М.Богуславский свою главную книгу “Человек в зеркале культуры, литературы и языка” (М., 1994)¹ и ими же хочется начать разговор о самом научном творчестве В.М.Богуславского. Ибо эти слова о нем, и обязанность эта — его: “устанавливать островки порядка и системы” в мире знания о человеке, теперь уже междисциплинарном и многовекторном мире.

Целью настоящей статьи вовсе не является необходимость системного представления творческого и жизненного пути видного ученого-гуманитария. Это не обзор его трудов и не очерк научной деятельности. Наша задача и скромнее, и определеннее. Мы хотим показать созвучие лингвофилософских, культурологических и искусствоведческих идей В.М.Богуславского тем современным поискам адекватного описания человека в культуре, которые развиваются на фоне обостренного интереса исследователей к вопросам сравнительной концептологии, когнитивной философии языка, художественной семиотики и межкультурной коммуникации, связанным с антропологическим вектором развития нынешней гуманитарной науки; показать не просто “современность” идей Всеволода Михайловича “научной злобе дня”, а и то, что эти идеи “не витали в воздухе”, так что их можно было просто легко “взять”, а то, что они складывались и сложились на основе значительной лингвоэстетической и художественной традиции, какую представляет собой “харьковская филологическая” и художественная школа в ее связях с московской лингвистической школой. В силу сказанного, как это и будет совершенно естественным, мы представим “изотексты” (термин Ю.С.Степанова) харьковского ученого в трех взаимопересекающихся областях: 1) лингвистики и лингвоэстетики; 2) теории и истории культуры, философии языка и лингвокультурологии; 3) теории и истории искусства. Оговорим лишь, что полный очерк жизни и деятельности В.М.Богуславского еще не написан²,

и мы ориентируемся на тот круг публикаций ученого, которые нам известны (благодаря Т.Б.Бахмет) на сегодняшний день, в принципе, он вполне представителен.

Совсем не случайно, что вводящими в круг обсуждения творчества В.М.Богуславского тему “порядка, стабильности, оценки и нормы” являются слова того, кто проложил дорогу системно-семиологическому, информационному знанию в гуманитарные науки, знанию, напрямую связанному со сферой ментального, психофизиологического и глубинно знакового. И основатель кибернетики, и один из демиургов новой отрасли гуманитаристики – лингвокультурологии – В.М.Богуславский полагают знаки внешнего своеобразными входами во внутренний мир человека. Безусловность такой непосредственной связи – внешнее как опознавательная семиотика внутреннего – перекликается с другой линией, также непосредственно относящейся к герою нашего повествования: линией собственно метанаучной, метазнаковой, подлинно семиотичной, суть которой может быть охарактеризована как способность (и необходимость) открывать знаки неочевидного в очевидном, что характерно уже для семиотико-художественной деятельности как таковой.

Обе эти линии определили характер и своеобразие научной деятельности В.М.Богуславского как лингвиста, как искусствоведа и культуролога. Фокусируясь изначально в регистре лингвостилистики и сферы оценочных значений языковых единиц, она позднее плавно вышла на орбиту комплексного и междисциплинарного человековедческого исследования языковых картин мира различного типа сознания: обыденного, художественного, этнического и научного, — а вскоре обратилась к проблеме ментально-духовных шифтеров национального типа сознания и формирующей его культуры. И в таком последовательном движении, и в его финальной точке схождения всех интересов ученого (как и интересов наук, к которым он имел честь принадлежать), роль образно-эстетического компонента в структуре анализируемых единиц неизменно возрастала, занимая свое особое место в системе лингвокультурологического и искусствоведческого анализа. Впоследствии она стала содержательной доминантой всей работы ученого. Ритм и характер исследовательского пути В.М.Богуславского системны и последовательны. Главным образом потому, что во главу угла своей работы он поставил эстетику языкового и художественного знака, опытным интерпретатором которой и был — филолог, лингвист и искусствовед Всеволод Михайлович Богуславский.

II

Как и для большинства молодых ученых, вступивших на лингвистическую стезю в конце 60-х начале 70-х гг., в период “бури и натиска”, когда усиленно формировалась и отстаивалась “Смысл-Текст-лингвистика” и разрабатывались близкие к методам точных наук основания лексической семантики, В.М.Богуславский столкнулся с проблемой парадигмального

сдвига внутри самой лингвистики, повлекшего за собой смену исходных методологических презумпций этой науки. Как и для многих других, исходной точкой лингвистических занятий В.М.Богуславского явилась живая русская речь, живое слово, явленное в огромном массиве публицистических и художественных текстов, а главное — само восприятие Языка как системно-структурного образования. Это был период становления отечественного структурализма и кибернетических идей в лингвистике, время создания структурной типологии языков и время аппликативных грамматик, древовидных универсумов, проективных графов, табличных матриц и всей формализованной лингвистики, которую обоснованно связывают с революционными именами Вяч. Вс. Иванова, В.Н.Топорова, И.А.Мельчука, Ю.К.Лекомцева, С.К.Шаумяна, Ю.С.Степанова, Ю.Д.Апресяна, А.В.Гладкого, К.В.Бабикого, Ю.С.Мартемьянова, А.Е.Кибрика и А.К.Жолковского. Это время приезда в Россию Анны Вежбицкой и приход к заинтересованному читателю книг Л. Ельмслева, Э. Сэпира, Л.Блумфилда, Дж.Глиссона, Н.Хомского, У.Чейфа и многих других. Наконец это время острых и резких методологических споров между сторонниками структурализма и описательной лингвистики, между дистрибутивистами и хомскичанами, увлеченными идеей построения порождающих моделей языка. Обо всем этом времени и о методологических спорах в лингвистике 50-60-х подробно и ясно изложено в очерках А.Е.Кибрика³. Здесь самым существенным, т.е. входящим в самую суть проблемы, является то, что ни один из начинавших в те годы лингвист, как, впрочем, и сейчас, не мог пройти мимо процедурных вопросов (их Р.М.Фрумина относит к разряду кардинальных, сущностных, эпистемологических), от решения которых зависели и выбор сферы применения лингвистической интуиции исследователя (ее позже отнесут к интроспективному методу анализа фактов языка), и сам характер его работы с языковым материалом. И, вместе с тем, основной задачей науки виделся на тот период, а как показала жизнь, и в настоящий момент, но уже на уровне всех гуманитарных наук, “синтез лингвистических направлений”⁴, с которой лингвистика справится лишь к концу XXI века. Но тогда же В.М.Богуславским безошибочно был выбран тот круг языковых явлений, который непосредственно затрагивает саму суть механизма языка и языковой деятельности, — лексическая семантика и семантический континуум в сфере стилистической дифференциации речи (на материале языка газеты)⁵.

Еще не было замечательного учебника Д.Н.Шмелева “Современный русский язык. Лексика” (М., 1977), не вышла защищенная в Минске как докторская диссертация Ю.Д.Апресяна “Лексическая семантика” (1974), не появились коллективные обобщающие труды группы Б.А.Серебренникова и сама библия структуральной лингвистики — книга И.А.Мельчука “Опыт теории лингвистических моделей “Смысл-Текст” (тот же 1974; здесь же

замечу, что и в 1990 и в 2007 она производит не менее захватывающее впечатление, чем в 1974, правда, с оглядкой на время и устарелость ряда постулатов), но уже были замечательные словари Д.Н.Ушакова и А.П.Евгеньевой, учеником которой стал В.М.Богуславский, была сама классическая традиция высокой лексикографии, которую ученые того поколения воспринимали и как теорию и как практику языка одновременно. Напомню, что именно в эти годы, благодаря стараниями академика О.Н.Трубачева, мы получили “русского Фасмера”. И эта причастность к словарной лингвистической культуре и лексикографической практике стала для харьковского (а тогда московского) ученого определяющей. Ведь именно в словарной форме ученый обобщил и зафиксировал основные результаты своей научной деятельности; переработанный вариант “Словаря оценок внешности человека” — последняя книга, которую В.М. успел подготовить к печати и дождался ее появления. Даже ее повторное издание не изменило ее статуса “библиографической редкости”, ныне книгу практически не найти в продаже и в библиотеках.

Примечательно, что уже тогда В.М.Богуславскому импонировала ни личность лингвиста-романтика и реформатора, каким был И.А.Мельчук, а личность лингвиста-эмпирика, каким были академик Л.В.Щерба и академик В.В.Виноградов, точно следовавшие процедуре дистрибуции и анализа языковых форм. Но, как станет ясно потом, в стороне от научных революций В.М.Богуславский никогда не оставался. Он совершал их впоследствии уже сам⁶. Стартовав с дескриптивистских позиций, В.М. Богуславский, опираясь на традиции лингвопоэтики и прагматической стилистики Г.О.Винокура и академика В.В.Виноградова, Б.А.Ларина и Р.А.Будагова (и не без влияния идей французского лингвиста Ш.Балли), практически сразу подошел к изучению “языка в действии” — подход, обязанный своим существованием имени Э.Бенвениста и отсылающий к идеям В.фон Гумбольдта о языке как деятельности, к которым вновь пришла современная лингвистика и интерес к которым всегда отличал именно харьковскую лингвистическую школу. С Э.Бенвенистом его роднит и сам характер лингвистического научного мышления: систему не следует создавать, ее нужно “опознать”, “распознать” в самом предмете. Этот подход сближает его и с непосредственным учеником Э.Бенвениста, основателем “Нового русского реализма” Ю.С.Степановым. Таким образом, уже сам характер мышления молодого ученого предопределил и “документалистски-эмпирический” тип его исследований, и потенциал прорыва в сферу “культурологически-знакового”, каковая станет к концу жизни ученого основной сферой приложения его научного аналитического аппарата⁷. Стоит сказать и то, что с первых научных шагов и в дальнейшем, на протяжении всей деятельности, в это единство методов и подходов будет включен и лингводидактический аспект, вызванный как потребностью самого исследовательского пути, так и самой жизнью⁸.

На первый взгляд, кажется, что В.М.Б. с самого начала и до конца жизни отстоял от каких-либо современных лингвистических идей и споров. В его работах нет ссылок на модных в те и последующие годы Дж. Серля, Х. Карри и У. Куайна. Хотя он, несомненно, знал работы своей однокурсницы Л.З.Совы (“Аналитическая лингвистика” (М., 1970)) и ее “вполне положительную”, но такую уничтожающую критику А.Ф.Лосева⁹. Теперь, правда, Л.З.Сова забыта, но не забыты ни сам А.Ф.Лосев, ни работы Ю.К.Лекомцева, в совершенной полноте и точности описавшего формальный язык лингвистики¹⁰, ни семиологическая грамматика Ю.С.Степанова как классический образец научной строгости и точности в лингвистике, совмещенных с блеском изложения и изяществом лингвистических идей¹¹. Хорошо ориентировался В.М.Б. и в трудах московской лингвистической школы, в частности, в исследованиях Н.Д.Арутюновой, наиболее полно и системно представившей типы лексического значения и виды обще- и частноязыковых оценок¹². Ее идеи он часто будет привлекать в своих последующих работах, но привлекать неизменно в переработанном и осмысленном с позиции целей собственного исследования. Конечно, взгляды Л.З.Совы и в 2004 г. казались В.М.Богуславскому несколько “замученно-структуралистскими”, по его выражению (в устной беседе), но и тогда он не склонен был отзываться о них как о окончательном “прошлом” истории лингвистической науки. Как и обо всей структуралистской линии лингвистических работ. Он видел в ней рациональное зерно, особенно в работах Ю.Н.Караулова и Ю.Д.Апресьяна. Подобную же оценку этим ранним “металингвистическим” идеям давала и его коллега и друг, покойная ныне д.ф.н., проф. Н.И.Сукаленко, с творчеством которой он неоднократно пересекался, исследуя формы обыденного языкового и художественного сознания. Однако стоит сказать, что в оценках лингвистических теорий и практической работы лингвиста прослеживается некоторая закономерность. И связана она с самой сердцевиной собственно филологического подхода к изучаемому явлению. Речь идет о способе (методе) работы с материалом и обслуживающей его теории. Есть неоспоримая строгость самого способа работы с языковыми данными. Какой бы сложной ни была задача, она всегда мыслится как задача строгой системации и обобщения первичного материала, такого обобщения, при котором вывод на основе его анализа был бы естественным и самоочевидным. И, конечно, это по сути “бенвенистовский” охват материала, когда кажется, что ни один источник не был да и не может быть пропущен исследователем. В этом В.М.Богуславский близок лучшим традициям харьковской эмпирической психологической лингвистической школы, восходящей к имени А.А.Потебни и его последователей.

Уже в первой диссертационной работе В.М.Богуславским отчетливо показано, что язык — это не набор проекционных порождающих процедур,

а средостение континуумов семантических (знаковых) шкал, перетекающих одна в другую, и что вообще Язык когнитивно и антропологически ориентированное явление, и без учета фактора концептуальной (понятийно-предметной) ориентированности языковой деятельности анализ конкретных фактов языковой стилистической синонимии, метафорики или языковой оценочности малопродуктивен. “Система, контекст и языковая ситуативность” — так, по-видимому, можно сформулировать основной пафос этого периода исследований ученого. Еще одна метафора этих работ: “языковая новация”, ставшая уже сегодня предметом плодотворных лингвопоэтических и лингвоэстетических исследований¹³. На нее он обращает внимание уже в 1969 г.

Работа в области стилистической синонимии (сердцевина лексической семантики) естественным образом привела исследователя к постановке вопросов “природы значения лексической единицы”, типов этого значения и видов его функционирования в речевой деятельности. Возник интерес к языковой оценке.

III

Нет ничего неожиданного в том, что от анализа современных активных языковых процессов, отраженных в газетных текстах, В.М.Богуславский переходит к идеографической “портретологии”, если так можно назвать сферу языковых “оценок внешности человека”. Как и в языке газеты, здесь максимально проявляет себя поэтическая функция языка (по Р.О.Якобсону), и именно здесь ярче всего себя обнаруживает внутриязыковая селекция и комбинация языковых средств выразительности.

Вот тут мы вступаем в сферу “нового” и “актуального”, где и новизна, и актуальность окрашены индивидуальным и авторским “Я” исследователя.

Странно читать в работе современного лингвиста о том, что “вопрос о том, насколько стабильна языковая картина мира, в какой мере она способна отражать изменения культуры, смену оценок и стереотипов”, — в русистике не поднимался¹⁴. Нет, как раз-то и поднимался, еще в самом начале 70-х, когда выходили в свет книги и статьи В.Г.Костомарова (друга В.М.), Т.Г.Винокур и Д.Н.Шмелева¹⁵. Именно этот вопрос практически в прозрачном виде сформулирован в докторской диссертации В.М.Богуславского и его работах на протяжении значительного периода, с 1972 по 1994 гг. И именно этот вопрос, но уже в практическом ключе, решен в его знаменитом “Словаре оценок внешности”¹⁶.

Обе работы, выполнявшиеся практически параллельно, вводят нас в сферу лингвистической “сверхпрагматики”, в ее определении, данном О.Г.Ревзиной¹⁷, как сферу “идентификации человека как творца” и сферу “*languageing*”, понимания языка как непрерывного творческого процесса и среды, этот процесс порождающей и саморазвивающей. Здесь недостаточно эксплицировать жесткую дисциплинарность работ В.М.Б. как лексико-

семантических или лексикографических. И дело вовсе не в том, что все они выходят за рамки чистой ономаσεологии и лексической сочетаемости, композитарной семантики атрибутивных единиц языка, описывающих внешность человека. Дело в том, что за всем массивом словарных и дискурсивных данных вскрывается целая панорама языковых представлений о “внутреннем человеке”, явленном в знаках человека “внешнего”, здесь показаны знаки не просто “наивной анатомии” и обыденной эстетики, что само по себе чрезвычайно важно, а вскрыт механизм языковой концептуализации сложного семиотического образования, каким являются “образы внешнего” человека. Лишь в 2000-е гг. начали появляться первые свидетельства намечающейся теории подобной концептуализации, выбрасывающей антенны в сферу кинетической невербальной семиотики и современного концептуального анализа (работы Е. Урысон, Г. Крейдлина и его группы), а тогда, в 1994 г. это был результат, полученный в ходе широкого охвата целых пластов художественной и обыденной речи, кроме того, — намечены и “протопаны” пути-дороги целостного семантико-семиотического анализа этой сферы представлений о человеке. Каким же он представляется В.М. Богуславскому?

В первую очередь акцент ставится на параллельной разработке культурологической и лингвистической концепций восприятия и оценки внешности человека. В него входит и эстетический, искусствоведческий компонент (с опорой на труды Д.С. Лихачева и Г. Вагнера). Язык, таким образом, не отрывается от культуры и художественной практики, позволяющей обнаружить искомые данные и выводы на их основе. Оценки внешности рассматриваются не как самоценные и изолированные факты языка и культуры, “изоляты”, а как часть национальной (языковой) культурной картины мира, для чего потребовалось обратиться не только к каноническому своду текстов классической русской литературы от А.С. Пушкина и до Ф. Абрамова, но и к жанрам народного и городского фольклора. В.М.Б. настаивал на комплексном характере исследований, и этот характер нашел поддержку в методе исследования: это прежде всего концептуальный анализ фактов языка и художественной речи, соединенный с историко-компаративным методом и оппозитивным и компонентным семасеологическим анализом, привлекался и метод лингвистического конструирования, разработанный в свое время Ю.Н. Карауловым, как и его взгляды на природу “языковой личности”¹⁸. Главным образом — это исследование, ориентированное на выявление взаимосвязей языка и культуры в процессе их культурно-исторического развития, на выявление системно-структурных особенностей языка и его прагматической (сейчас бы сказали когнитивной) направленности при хранении, обработке и передаче культурно значимой информации. Оценки внешности выявляются и анализируются ученым как компоненты ментальной, когнитивной

структуры человека, и это как раз хорошо согласуется с новейшими исследованиями указанного проблемного поля. Так, Е.С.Кубрякова, один из пионеров когнитивной лингвистики в СССР, а затем и в России, анализируя нетривиальную композитную семантику группы конструкций типа *визовый режим, белый гриб, белые ручки, круглый дурак, красивая работа, красный карандаш, хорошая работа* и проч., говорит о необходимости видеть за указанными фактами определенный концепт, составляющий базу семантики оценочного сочетания прилагательного с существительным, видеть его не как согласовательную композицию, а как семантическую целостность, репрезентируемую в сознании носителя языка, или как сложную когнитивную структуру, отражающую определенный тип знания об объекте оценки¹⁹. Кажется, именно как семиотическую ценностную структуру и рассматривает В.М.Б. идеографическое поле “Внешность человека” и покрывающую его ЛСГ слов соответствующей направленности. Важным представляется и то, что исследователь не замыкается в рамках лингвистических репрезентаций, а строит свое исследование с учетом (психико)эмотивно-гносеологических реалий. (В.М.Б. отличала повышенная чуткость к аспектам психического поведения человека и значительный интерес к психологическим теориям нашего времени). Для него внешность это непременно эстетически значимый объект, и вся портретная лингвистическая история конкретного факта оценивания внешности является основанием вскрытия механизма создания художественного образа. Так механизмы языка и механизмы художественной образности встречаются на страницах единого комплексного исследования. Это не первая встреча Языка и искусства в ментальном мире, но одна из первых, столь явственно обнаруженная и показанная в мозаичности своих взаимопереходов и мотивировок. Даже эвристика “вчувствования” в оценки внешности носит у В.М.Б. когнитивно-функциональный характер (Ср. его металексику “точка и дистанция восприятия”, “продолжительность восприятия”, оценки “первовидения и второвидения”, оценки “первого впечатления” и оценки “общего впечатления”, оценки, “детализирующие внешность” и “презюмции оценочного восприятия”), что сближает его работу с работами представителей функционалистского направления в лингвистике)²⁰. Отмеченная В.М.Б. синкретичность эмоционального, этического и эстетического оценок внешности дана как неотъемлемая часть языковой картины мира носителя русской культуры, тем самым подчеркнута и роль субъекта в порождении речевых актов, содержащих в себе оценочный компонент.

Примечательной чертой исследований В.М.Богуславским семантической структуры композитных атрибутивных сочетаний с оценочной номинацией внешности является следующее:

1) проведена максимальная систематизация средств эстетической, эмоциональной, антропологической и пропозитивной оценки внешности человека;

2) всесторонне проанализирован социальный и национальный аспект формирования образа внешности в его статике и динамике, синхронии и диахронии;

3) показана роль метафоры и метонимии как конструктивного средства внутриязыковой оценочности внешности человека, а также показана роль коннотативного компонента в системе средств языковой оценки внешности человека;

4) показана, а не голословно-утвердительно, не просто манифестируется, роль психофизиологического субстрата языковой деятельности, в результате которой оценки внешности предстают не как набор слабо организованных дифференцированных признаков и исходной семантической нормативной базы номинации, а как сложный и полифакторный семантико-ассоциативный комплекс, в структуре которого выделяются эмоциональный, эстетичный нормативный, оптико-физиологический и знаковый компоненты;

Совершенно очевидно, что после такого объемного исследования системы языка и прагматики речевой деятельности В.М.Б. подошел к сфере, не только новой на период конца 90-х, но и воспринимаемой и сейчас как чрезвычайно актуальной и малоработанной — речь идет о глубинной семиотике “внутреннего человека”, намеченной в работах Н.Д.Арутюновой и представителей школы Ю.С.Степанова. Но перед тем, как ее охарактеризовать, покажем (по возможности кратко и контекстно обусловленно) место идей В.М.Богуславского в кругу идей слобожанской версии философии языка и искусства, к которым он может быть отнесен современным историком науки.

IV

Несмотря на то, что В.М.Богуславский как ученый формировался в рамках московской лингвистической школы, его сознательная научная деятельность оформилась и состоялась в г. Харькове, и В.М.Б. может целиком и полностью быть причислен к представителям харьковской филологической школы. И не только потому, что сохранял с ней теснейшую связь (В.М. — сначала сотрудник ХГУ, затем частый гость университетских филологических конференций и оппонент на защитах диссертаций, — он сохранял верность многим теоретико-лингвистическим постулатам харьковских филологов, находя в их работе то общее, что содержало в себе костяк академических представлений о языке. Речь идет и о работах А.А.Потебни и Д.Н.Овсяннико-Куликовского, об идеях А.М.Финкеля и В.В.Акуленко. Его долгая (до последнего дня жизни) дружба с замечательными лингвистами Л.Ф.Тарасовым, Н.И.Сукаленко, Д.И.Руденко, Л.А.Быковой и многими другими неизменно сказывалась и на качестве научной и преподавательской работы, и на конечные результаты собственных исследований, поскольку эта дружба и эти взаимоотношения позволяли, с одной стороны, постоянно быть в курсе новейших лингвистических идей, а во вторых, — апробировать свои идеи, прибегая к мощному коллективному интроспективному

лингвистическому аппарату, каким являлось объединенное лингвистическое сознание (и интуиция) названных коллег В.М.Богуславского.

Ученый был открыт ко всем расширениям современной теории языка, в том числе и тем, которые носили лингвофилософский и семиотический характер.

В силу самой специфики предмета исследования, которым был увлечен В.М.Б., он не мог оставаться равнодушным и далеким от современных продуктивных теорий искусства и культуры, основанных на принципе знаковости, как и тех теорий языка, которые искали сближения с новейшими теориями искусства. Такое соположение феноменов культуры, в зоне которой так или иначе участвует язык, и искусства, факты которого выстраиваются как бы в параллель фактам языка и культуры, просматривается в любой из его последних работ, и в особенности — “Словаря оценок внешности” и неоконченной монографии “Русский менталитет в зеркале русского языка, культуры и литературы. Языковые оценки характера и поведения человека”.

Слобожанская, а точнее — харьковская, версия философии языка и культуры, эстетики и теории искусства, как представляется, заметно выделяется на фоне инокультурных и национально-специфичных научных школ именно за счет высокой плотности концентрации сходств между явлениями языка, культуры и искусства. Более того, ее усиленное внимание к эстетическим категориям, категории “особенного”, “образного”, “художественного”, а значит, и к обсуждаемой здесь проблематике, составляет характернейшую черту метода В.М.Б. и представителей слобожанской версии философии, в частности, его коллеги по кафедре русского языка (ХНМУ) Д. И. Руденко.

В работах В.М.Богуславского нет прямых ссылок на положение А.А.Потебни о внеязыковой мотивированности языкового значения и символичности языка по отношению к мышлению²¹, и он нас не отсылает напрямую к трудам А.Шлейхера и В.Гумбольдта, К.Фосслера и Д.Н.Овсяннико-Куликовского (“Язык и искусство”), которые приобрели в наше время статус особой, “горячей” точки семиотики культуры и искусства, но сам характер привлекаемых для построения своей концепции исследований других авторов говорит о том, что эти идеи нашли косвенное отражение в научном наследии ученого. О наличии такой связи красноречиво говорят ссылки на труды Д.С.Лихачева, Р.А.Будагова, Н.Д.Арутюновой, Ю.Д.Апресяна, В.Н.Телия и др.

Обращение к семантике фигуративных визуальных кодов и кодов языка, находящихся в соприкосновении с ними, воспринимаемое сегодня как одно из направлений лингвоэстетических исследований, отражено в работах В.М.Б. об отражении реалий вечно мира в художественно-пластическом целом²² и о эмоционально-эстетическом воздействии на сознание человека

архитектурных православных образов²³, в работах по специфике художественного образа в современных дизайнерских решениях и специфике “цельного знания” в системехудожественного образования²⁴.

В сферу собственно лингвофилософских и лингвоэстетических исследований сейчас все больше привносится аспект, выражающийся в необходимости рассматривать культурологическую и искусствоведческую проблематику (т.е. теоретико-эстетические и семиотико-культурологические представления) в зависимости от “некоторого ядра лингвистически ориентированных проблем” (Л.Ельмслев). Этот аспект не только был намечен, но и получил практическое отражение в научной практике В.М.Богуславского.

Именно в рамках межпарадигмального подхода, у В.М. он назван “комплексным-человековедческим”, предложенного харьковскими философами языка и теоретиками культуры, развивался поиск взаимосвязей лингвопарадигм с широким кругом социально-культурных явлений.

Новое в восприятии и толковании фактов культуры, языка и искусства состоит в самой возможности “поэтизировать” наблюдаемую философом языка лексико-грамматическую, семантическую категорию и связанную с ней рецепцию объективной действительности. Любопытно, что и в школе Юрия Степанова, которой наследуют харьковские философы языка, и “в круге” Дмитрия Руденко, и в исследовательской “ауре” Нонны Сукаленко и Всеволода Богуславского “поэтизация” языковых (преимущественно семантических) категорий рано или поздно пришла в теснейшее соприкосновение с изучением искусства и современных форм визуализации “эстетического”, без которых оказалось невозможным дальнейшее продвижение в сторону адекватного собственно культурологического и лингвофилософского анализа форм сознания, представленного на разных этажах культуры. Но само движение к интеграции наук в рамках названной школы мыслилось как движение к плюралистичности теоретических постулатов и самого материала исследования. Причем движение это не всегда отличается однородностью и целостностью. Так, “круг” Дмитрия Руденко все более и более уходит в метафорический интерпретационизм, с размытостью шкал и оценок, все больше сосредотачивается на постструктуралистском видении форм языка и искусства, все более углубляется в исследование постмодернистской культуры и постмодернистского мышления; Н.И.Сукаленко, при анализе антиномий языковых и речевых знаков, при исследовании особенностей языковых метафор обыденного сознания, все больше склоняется к мотивировкам метафоры и символа от “искусствоведческого”, зрительного, живописного компонента; ВМ.Богуславский еще более выражено подчеркивает междисциплинарность характера собственных исследований при изучении оценок внешности человека и предметно-вещного мира художественного целого²⁵.

Искусство и теория искусства в работах ученых слобожанской версии философии языка рассматривается как необходимый компонент философствования, без которого невозможно ни гипостазирование форм языка, ни дальнейшее продвижение в диалогические тактики постмодернистской современной культуры, коллективного бессознательного, ее подпитывающего, и обыденных форм языкового и художественного сознания, ее выражающих. Именно в этом отношении, — как взятый отдельно фрагмент “выражения глубинных основ бытия” и одновременно образчик их рефлексии и понимания можно воспринимать харьковскую линию философии языка в ее слобожанском (славянском) варианте. Эстетический и образотворческий изгиб этой линии в немалой степени обязан В.М.Богуславскому.

Главным же, возможно, являлся и является постулат о принципиальной многослойности, полиинформативности и полилингвальности феноменов культуры. Непосредственные феноменологические понятия о языке через семиосферу сплавляются с эстетическими понятиями и уходят в художественную и научную практику, ядром которой остается “длинный семиотический компонент” культуры и искусства и выработка новых теорий на его основе. Одной из таких теорий стала концепция В.М.Богуславского комплексного анализа и построение интегрального образа человека в “зеркале русской культуры, литературы и языка”.

“Направление поступи”, подсказанное харьковским культурологам и лингвофилософам московской лингвистической и искусствоведческой школой, в частности работами В.М.Богуславского (направление работ, связанное со школой академика Ю.С. Степанова, когнитивизмом и функционализмом в лингвистике (А.А.Кибрик и А.Е.Кибрик, Р.Томлин, Т.Гивон, У.Чейф, Р.Лангакер, А.Вежбицка), лингвопсихологией В.З.Демьянкова и Р.М.Фрумкиной, А.С. Брудного и И.С.Кона, концептологией первоформ языка Ю.Монича, семиосферой культуры Ю.М.Лотмана, идеи в области абстрактной семиотики и опыт построения эпитеории языка и искусства Ю.К.Лекомцева, работы в области невербальной семиотики Г.Крейдлина и другие направления в смежных областях) — камертон, благодаря которому можно не сбиться с ритма и не потерять цель своего движения.

Будучи открытой всевозможным инновациям, впитывающая в себя идеи и опыт самых различных теорий, слобожанская версия философии языка и искусства активно модифицирует инновационный материал, приближая его непосредственно к областям своего исследовательского интереса (семантика имени и количественные отношения в языке, мереология свойств и оценок внешности человека, метафоризм оценки в обыденном сознании и своеобразии языковой картины мира, авторизация иконичности в художественном дискурсе, образная реакция на языковой

материал, а также чрезвычайно важный вопрос об отношении образной реакции на языковое выражение к значению этого выражения, построение формализованных грамматик и дискурсов искусствоведческого анализа, а также опыт семантико-графического представления эстетического сообщения и т.д.), и это следствие благотворного влияния работ в том числе и В.М.Б. на современную практику лингвоэстетического, философского и искусствоведческого анализа.

Ориентация на построение именно такого пути во многом обусловлена как стилем современного философствования и семиотизации, так и установкой на мозаичность, фрагментарность гуманитарной культуры в целом и стремлением ориентировать свой исследовательский аппарат на проблемную область, вызывающую интерес современной науки.

Такова, например, проблема симбиоза знаков живописи и языка, живописи и поэзии”, впервые поставленная в отечественной лингвоэстетике и поэтике Р.О.Якобсоном²⁶. Исследование последнего никогда не уходило из практики лингвофилософских и эстетических работ харьковских ученых, в особенности Л.Ф.Тарасова, Н.И.Сукаленко и В.М.Богуславского. Оговорим лишь то, что В.М.Богуславский ближе других подошел к решению указанной проблемы со стороны, близкой к искусствоведению, в частности, в серии работ о специфике портрета как жанра живописи и специфике согласованного с нею сценариев обыденного сознания, задействованных в описании внешности человека.

В общесемиотическом смысле мы можем констатировать, что в работах В.М.Богуславского осуществлен синтез нормативной (от человека к его языку) и глубинной (от языка к человеку) семиотик: от языка к человеку и обратно. Процедура семиотического вывода основана на градационных переходах и системных отношениях внутри всего знакового комплекса.

V

Возвращаясь к теме “внутреннего, глубинного” в языке и культуре, хочется отметить близость, если и не прямое родство идей В.М.Богуславского с идеями М.М.Бахтина, чрезвычайно им ценимого и нередко цитируемого. Бахтинский план решения темы “внутреннего и внешнего” в человеке как бы стоял за спиной В.М. Богуславского. Тема “человек у зеркала” и “человек глазами другого”, начатая в 20-30-е гг. М.М.Бахтиным, реализована в плоскости лингвистического и культурологического анализа как анализа, в котором языковые отношения предстают в виде эстетических. Именно благодаря идеям М.М.Бахтина харьковский исследователь смог подойти к вопросу внешнего метафорического оценивания как к вопросу самосознания и языковой самооценки. С опорой на труды М.М.Бахтина²⁷ образы внешности показаны В.М.Б. как процесс “вчувствования” в Другого, как эмоционально-гносеологический акт, слитый с актом семиотическим по

существо: экспрессивность и эмотивность здесь слиты с “говорящими моментами человеческого тела” (М.М.Бахтин), а по сему комплексное исследование образов внешности человека, осуществленное харьковским лингвокультурологом мы вполне имеем право отнести к кругу художественно-семиотических и лингвосемиотических концепций, объемно представленных В.В.Фещенко в антологии “Семиотика и Авангард”²⁸

Сложная динамика внутреннего и внешнего в лингвозстетическом опыте и сам принцип культуры — принцип рекуррентного расширения — словарные классы как центры аттракции, зоны или поля, в границах которых совершаются связанные семантико-синтаксические и лексикальные преобразования, — дан В.М.Богуславским непосредственно в опыте словарного дефинирования явлений языка и культуры. Как и в исследовательской работе, в практике лексикографирования В.М.Б. применен эволюционный, генетический и апостериорный метод ввода понятий анализа указанной тематической сферы.

VI

Теперь самое время сказать о самом словаре В.М.Богуславского. “Словарь Богуславского” решен как тип идеографического, аналитического или топиального словаря. А среди этих словарей нет двух похожих. Словарь В.М.Б. воспринимается на фоне немногочисленных словарей данного типа (Бак, Бенвенист, Маковский, Степанов). Он, конечно, скромнее и преследует не столь грандиозные цели словарного описания, но по степени комплексности проработки, системности и органичности построения приближается к названным словарям. Именно через словарь и благодаря словарю читатель уясняет, что “Внешность” и “оценки образа внешности” — сложное концептуальное представление, формирующееся по внешне проявляющимся и зрительно воспринимаемым физическим, психоэмоциональным и интеллектуальным признакам. Что опора в механизме оценочности — сам принцип наглядности языка как один из его системных свойств и механизмов самоорганизации.

Именно благодаря “Словарю” “внешность” как сложный концепт и многослойный образ дан в динамике его становления, развития и последующих изменений, определяемых историческими, социальными и культурными факторами; осуществлена также и прогностика оценочной деятельности в этой сфере и проанализированы тенденции развития этой области обыденного языкового сознания. В словаре показано, что оценки внешности не могут не быть лингвистически отмеченными, и что суть механизма означивания здесь не только в номинативности, но и в качественно-характеризующей специфике, специфике бытийной, пропозитивной. Более того, сам характер привлекаемого иллюстративного материала говорит о том, что оценки внешности человека — мощный

текстообразующий фактор и что эта сфера представляет собой вполне самостоятельную дискурсивную среду, со своей композитарной грамматикой и коннотативной стилистикой. Но это ведь еще и словарь активного типа, он ориентирован на живой опыт рецепиента по порождению текста и эстетически осмысленного суждения о внешности человека.

“Словарь Богуславского” намеренно осуществлен автором как учебное лексикографическое пособие, в том смысле, что он действительно обучает определенной сфере владения языковым аппаратом, но он обучает и новому видению культуры и национально-специфичной сферы оценивания человека в рамках этой культуры. Факт языка и факт текста дан в цепочке порождения скрытых и явных смыслов, относимых к человеку как сложному концепту культуры. Национальная культура репрезентирована посредством “ее отражения в системе языковых оценок”, иными словами, как ценностная шкала и матрица языкового оценивания визуального опыта как такового. Комплексность подачи культурологических, лингвистических, лингвострановедческих и эстетических сведений соотносится с комплексностью заложенных в словаре деонтических, эпистемических и эстетических норм оценивания, характерных для русской (и славянской) культуры в целом.

VII

В.М.Богуславский — не просто замечательный ученый, яркий представитель московской и харьковской лингвистической и художественной школы, а подлинный новатор в тех областях, к которым прикоснулся его пытливый лингвистический и искусствоведческий взгляд. Мы воспользовались хлебниковской метафорой в определении характера его научной деятельности — “путеец”, — означающей и пытливого путника, идущего дорогой общепринятых теорий и концепций, но вносящего в них свое понимание, и открывателя новых путей в области гуманитарного знания, одним из которых стала завоевавшая популярность и признание лингвокультурология и лингвоэстетика.

И если верно, что настанут времена, когда научное пространство перестанет быть конгломератом дисциплинарной дробности, то верно и то, что идеи В.М.Богуславского в том новом, чем станет гуманитарная наука завтра, займут надлежащее им место. Оставленным без внимания им не быть никогда.

Примечания:

1. Богуславский В.М. Человек в зеркале русского языка, культуры и литературы.— М.: Космополис, 1994; см. также изложение концепции во введении к : Богуславский В.М. Словарь оценок внешности человека.— М.: Космополис, 1994.

2. Краткую биографическую справку о жизни и творчестве В.М.Б. можно найти в : Креч Т.В. Богуславський Всеволод Михайлович // Енциклопедія сучасної України.— К., 2004.— Т3.— С.155.
3. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. – СПб.: Алетейа, 2005.- 38-40; 75-106.
4. Степанов Ю.С. Синтез лингвистических направлений как лингвистическая задача // Проблемы языкознания: Докл. и сообщ. сов. ученых на X Междунар. конгр. лингвистов (Бухарест, 28 авг. – 2 ент. 1967 г.) – М., 1967.- С.51-53.
5. См.: Богуславский В.М. О некоторых особенностях языка газеты // ру. Язык за рубежом.— 1968.— №4, Богуславский В.М. В защиту делового штампа // Рус. речь.— 1968.— №6; Семантико-стилистические группы слов в языке газеты: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук / ХГУ.— Х., 1969.— 29 с.; Богуславский В.М. К вопросу о классификации языковых штампов // Рус. язык в школе.— 1969.— №2.; Богуславский В.М. Семантико-стилистические группы слов. Соотносимых с одним понятием // Синонимы русского языка и их особенности / АН СССР.— Л.: Наука, 1972.; Богуславский В.М. Учимся читать советские газеты: Пособие для студентов иностранцев / ХГУ.— Х., 1973.— Вып.1— 67 с.— Совм. с Н.Я. Беленковой, Ю.А. Лигачевой, Л.Н. Селивановой.; Богуславский В.М. Язык газеты и методика работы с газетой в иностранной аудитории : Цикл лекций для слушателей ФПК при УНД им. Патриса Лумумбы.— М., 1973.— 125 с.; Богуславский В.М. Прилагательные высокой положительной оценки // Языковая норма и статистика / АН СССР. Ин-т русского языка.— М.: Наука, 1977.
6. Богуславский В.М. Взаимосвязи биологического и социального в исследованиях языковых явлений // Философские и социальные аспекты современной биологии и медицины: Тезисы докладов и сообщений / Бюро философских (методологических) семинаров северо-восточного центра АН УССР.— Х., 1983.— С.127-128; Богуславский В.М. Культурный компонент в лексико-семантическом поле оценок человека (на материале имен прилагательных) // Вестник ХГУ.— №292. Проблемы обучения иностранных учащихся русскому языку и общенаучным дисциплинам.— Х.: Вища школа, 1986.; Богуславский В.М. Методические рекомендации и справочные лексикографические материалы для формирования коммуникативной компетенции на основе тематических групп лексики, соотносимых с выражением оценки внешности человека / ХИСИ.— Х., 1990.— 91 с.; Богуславский В.М. Методологические рекомендации по работе с художественным текстом / ХИСИ.— Х., 1991.— 40 с.; Богуславский В.М. Конспекты лекций по курсу “Русский язык и культура”: В 6 ч.— Х.: ХИСИ, 1992.; Богуславский В.М. Типология значений образных средств выражения оценки внешности человека: Диссертация в форме научного доклада на соискание уч. степени доктора филологич. наук/ Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина.— М., 1995.— 53 с.
7. Богуславский В.М. Религиозные представления русского народа и их отражение во фразеологии // Междунар. симпозиум “Фразеологизм и ... в системе язык...”.— Новгород, 1997.; Богуславский В.М. Религиозность и образ жизни русского народа // Преподавание языков в вузе на современном этапе: Межпредметные связи: Харьковский сборник науч. трудов.— Вып.2. Научные исследования, опыт, поиски.— Х.: Моби Дик, 1998.— С.74.
8. Креч Т.В. Богуславський Всеволод Михайлович // Енциклопедія сучасної України.— К., 2004.— Т3.— С.155.
9. Лосев А.Ф. О понятии аналитической лингвистики // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: МГУ, 1982. – С. 145-167.
10. Лекомцев Ю.К. Введение в формальный язык лингвистики. – М.: Наука, 1983.

11. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: семиологическая грамматика. Изд. 2-е. – М.: УРСС, 2002.
12. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988.
13. См. Поэтика исканий или поиск поэтики. – М.: ИР им. В.В.Виноградова, 2004.
14. Урысон Е.В. эстетическая оценка тела человека в русском языке // ЛАЯ: Языки эстетики. – М.: Индрик. – С. 486.
15. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: Наука, 1980; Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. – М.: Наука, 1971; Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Высшая школа, 1977.
16. Богуславский В.М. Оценка внешности человека: Словарь. – М.: АСТ; Х.: Торсинг, 2004.
17. Чит по: Степанов Ю.С. Вступительное слово к конференции 30-31 октября 2006 г. // Гуманитарная наука сегодня: Материалы конференции / Под ред. Ю.С.Степанова.- М.-Калуга: Эйдос, 2006. – С. 12.
18. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
19. Кубрякова Е.С. О нетривиальной семантике в сочетаемости прилагательных с существительными // сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сб. статей в честь Н.Д.Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д.Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 148-154.
20. Кибрик А.А., Плунгян В.Б. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – М.: МГУ, 1997.- С.120-142.
21. Потехня А.А. Из записок по русской грамматике . — Т.IV. — Вып.2. — М., 1977.; см. также: Бондарь К.В., Коваль О.В. О “протоверсии” концептуального анализа в России
22. (А.А.Потехня, Д.Н.Овсянко-Куликовский) // Спадщина Д. М. Овсянко - Куликовського та сучасна філологія // Вісник ХНУ. — 1998. — № 411.
23. 22.Богуславский В.М. О взаимосвязи реалий предметно-вещного мира с культурой жизни личности (по мотивам романа И.А.Гончарова “Обломов”) // Вестник Международного Славянского университета: Сер. “Социология”, “Искусствоведение” . — 2003. — № 1
24. 23.Богуславский В.М. Православный храм в обыденном сознании русского человека // Вестник Международного Славянского университета: Сер. “Социология”, “Искусствоведение” . — 2004. — № 1
25. 24.См.: Факторович А.Л., Руденко Д.И. К рефлексии над границами (вместо введения) // Философия языка в границах и вне границ . — Харьков: ОКО, 1993. — Т.1.; Руденко Д.И., Прокопенко В.В. Философия языка: путь к новой эпистеме // Язык и наука конца 20-го века. — М., 1995.; Сукаленко Н.И. Сопоставление портретов человека в трех культурных ареалах: славянском, ближневосточном, дальневосточном // Языки эстетики. — М.: Индрик, 2004.
26. Якобсон Р.О. О стихотворном искусстве Уильяма Блейка и других поэтов-художников // работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987.
27. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1977.
28. Фещенко В.В. Глубинная семиотика: Стадии погружения // Семиотика и Авангард:: Антология / Ред.-сост. Ю.С.Степанов и др. – М.: АП Культура, 2006.